Текст · 7 марта 2022, 20:53
Олег Шмелев,

«Заповедь "Не убий" мы не можем нарушать так легко». Монолог священника, на которого составили протокол за антивоенную проповедь

Я священник Русской православной церкви, иерей по сану. Священником я стал семь лет назад, священником был мой отец, который примерно в моем же возрасте был рукоположен, только в 1992 году. Я знаю, что священники были в семье моей матери, в том числе был священник, которого убили красные. Были священники и в более ранний период, были священники со стороны отца. Но не все, естественно, были и просто христиане обычные.

Желание стать священником у меня появилось, когда я еще учился на первом курсе — очень давно, просто я к этому шел долго. Примерно к сорока годам я до этого созрел окончательно, и в 2015 году меня положили в дьяконы. Я был семь месяцев дьяконом, и потом стал священником.

До этого я был журналистом. Я закончил Ивановский государственный университет, филологический факультет, закончил аспирантуру — я кандидат наук филологических. Потом в силу определенных обстоятельств... я поступил в аспирантуру очно, пошел устраиваться сторожем, а стал журналистом. И 15 лет, даже побольше, на телевидении работал: год в ГТРК и редактором был в разных газетах, бизнесом занимался, связанным со СМИ. Потом стал-таки священником.

«Братья и сестры во Христе убивают сейчас христиан, с этим жить и смириться невозможно»

Открыв 24 февраля новости я, как и все, узнал, что произошло. После чего закрыл телеграм, удалил его и в течение суток просто старался жить вне информационного поля, чтобы собраться как-то с мыслями. Потом я написал [пост для сайта и соцсетей] о том, что я чувствую как священник и гражданин. Мне не очень хочется акцентировать внимание на политической стороне дела, потому что политика — это то, на чем невозможно найти общую почву: одни говорят, мы правы, другие говорят — нет, мы правы, началось вот так или вот так. Это бесконечный спор, который в данный момент неразрешим, может быть, когда-то со временем.

Есть просто базовые понятия, на которых стоит наша цивилизация человеческая — это невозможность, недопустимость пролития человеческой крови. Это то, о чем я написал сначала, а потом рассказал во время проповеди в воскресенье [6 марта].

Что меня ужасает, потрясает, что я не могу принять или делать вид, что этого нет. Это то, что братья и сестры во Христе убивают сейчас христиан, с этим жить и смириться невозможно, потому что пролитая кровь воспринимается церковью однозначно. Что бы там ни пытались те или иные люди говорить и толковать, сказано четко, прямо: есть кровь, пролитая Каином, которая легла проклятьем на все его потомство, есть кровь Христа, которая легла проклятьем на весь народ, проливший эту кровь. Это просто констатация факта, то, что говорит церковное предание: пролитие крови недопустимо.

Сейчас происходит нечто даже более страшное, потому что украинцы христиане, и среди них гораздо больше христиан, чем, может быть, даже среди русских. Для меня это примерно то же самое, как если бы я пришел в наш храм и взял бы дубину, дал бы по голове, взял бы нож и зарезал того, кто стоит в этом храме и молится — потому что мне бы что-то в нем не понравилось, что он говорит и так далее. Заповедь «Не убий» мы не можем нарушать так легко.

И, опять же, для меня важно, что я не написал на сайте, но сказал в проповеди: самое страшное — та ненависть, которая возникает, эта ненависть обоюдная. Я понимаю ее корни, она разрушает сердца и души людей, разрушает наше будущее — это та

стена, которая между нами встает и не даст нам очень долго возможностей для разговора и общения.

Мне пишут с Украины, это очень хороший человек, я его знаю очень давно, это хороший добрый христианин, прислуживает в церкви. Он постоянно присылал мне фотографии из храма, поздравлял с церковными праздниками. Сейчас он пишет о той реальности, в которой он живет, ее можно отрицать сколько угодно, она от этого не меняется. Он пишет о своей сестре, она доктор наук и в трусах вместе с детьми бежит. Она физически там не может находиться, это небезопасно для ее жизни.

Мне нечего ответить этому человеку, что я могу ему сказать? Что я вместе с ним переживаю? Он переживает это на физическом уровне, я — на духовном. Безусловно, это невозможно сравнивать, но это единственное, что я могу ему ответить.

«Делать вид, что ничего не происходит, значит лгать перед Богом»

Что касается проповеди, так получилось, что я две недели болел, и эта проповедь [6 марта] с 24 февраля была первой. Вчера была первая литургия после двухнедельного моего отсутствия по болезни. Я понимал, что не могу делать вид, что ничего не случилось. Я слишком серьезно отношусь к себе как к священнику и тому, что происходит во время литургии. Я считаю, что в этот момент мы все, каждый человек, находящийся в церкви, стоит перед Богом, и Бог его видит таким, какой он есть.

Поэтому лгать, обманывать, делать вид, что ничего не происходит, это значит лгать перед Богом.

Второй момент — если бы я был обычным прихожанином, я мог бы молиться о чем хочу, не заботясь, о чем молятся другие прихожане. Поскольку я священник, я должен сказать людям, о чем буду молиться я, о чем я не могу не молиться. Собственно, в этом был смысл моей проповеди. Это не был формально призыв против войны, давайте там все вместе дружно пойдем на площадь или куда-то еще, это более глубокий призыв к людям.

Чтобы они, несмотря ни на что, сохранили в своих сердцах человечность. Чтобы они не испытывали ненависти ни к украинцам, ни к русским, ни к американцам. А это уже в наших храмах, эта гражданская война уже идет. Уже люди разделились даже внутри одного храма. Да, можно попробовать запугать, задавить, придушить. Но это что-то изменит?

Поэтому я людям и сказал об этом, предупредил, что буду молиться о прекращении войны на Украине. И я буду молиться о том, чтобы Господь защитил жителей Украины. Я не могу уйти, оставить их здесь одних — я священник, без меня литургия не может совершиться. Но я не могу заставить человека думать так или иначе. Я считаю, право каждого человека сделать тот или иной выбор. Если я ему скажу «думай так», он, конечно, может сказать «да, батюшка», но если он в сердце своем несогласен, это будет та же самая ложь.

«Позвонили из полиции, пригласили к себе»

Из постоянных прихожан у нас не ушел никто. Два человека, которые зашли, скажем так, случайно, спросили, что они хотели, ушли — не знаю, они из-за этого ушли или не собирались оставаться.

А дальше получилось так, что из обычного внутрицерковного события полиция создала событие более широкого масштаба — вместо десяти человек, которые это услышали на проповеди и двадцати человек, которые это прочитали на сайте, об этом узнали несколько десятков тысяч. Они возбудили административное производство. Я не очень понимаю их мотивы, но получилось то, что получилось.

Мне позвонил человек, сказал: вот, полицейские расспрашивают людей. Потом мне позвонили из полиции, пригласили к себе. Это километров 40 от моего дома, другой район области. Съездил, побеседовали 2,5 часа, они с меня взяли объяснения, предупредили меня, что это административная ответственность. Выдали повестку в суд. В суде я заявил ходатайство, что настаиваю на рассмотрении по месту жительства. Судья удовлетворила мое ходатайство.

Теперь у меня есть время ознакомиться с материалами дела. Оказалось, там четверо свидетелей. Они изложили то, что, по их мнению, я говорил.

Я как священник пытаюсь с каждым говорить как с человеком, а не как с функцией, которую он выполняет. Для меня важно, чтобы человек услышал, что есть нечто большее, чем то, чем он сейчас живет. Эта жизнь коротка, был ты в ней полицейским или священником неважно, главное, чтобы ты в ней был человеком.

«Патриарх за меня отвечать перед Богом не будет, я буду отвечать за себя сам»

Что касается речи патриарха. Здесь то же самое, что относится к любому человеку, о чем я вам изначально сказал. Каждый человек сейчас делает свой выбор, показывает, какой он есть, Богу. Патриарх свой выбор сделал. Мы видим его по-своему. Каким его увидит Бог, я не знаю, наверняка это не совпадает с нашим взглядом, потому что мы видим человека снаружи, Бог видит его изнутри. Это просто его позиция, он точно так же в праве выражать ее, как я или другой человек.

В конце концов, давайте скажем так: вы умрете и предстанете перед Богом, я умру и предстану перед Богом. Патриарх за меня отвечать перед Богом не будет, я буду отвечать за себя сам, за то, что я делал и говорил. То же самое касается патриарха: он предстанет перед Богом и не я буду за него отвечать, а он сам.

Исходя из этого мы будем надеяться, что то, что он делает и говорит, выражает его искренние убеждения, в этом нет лукавства и какого-то подтекста.

Ответ на вопрос о том, что донести на меня мог и прихожанин. На мой взгляд, есть огромная разница: если бы позвонили в 40-е годы, 30-е прошлого века, то человек мог позвонить, потому что боялся, что кто-то донесет раньше него, будут неприятности. Человек мог позвонить, чтобы получить какую-то премию или занять квартиру того, кого репрессируют. Поскольку сейчас пока время не такое, то человек, видимо, искренне «исполнил свой гражданский долг». Так, как он его понимает.

Я думаю, сейчас тот момент, когда Бог ставит каждого человека перед необходимостью сделать выбор: кто ты? Скажи о себе сам. И то, что человек делает и говорит — его свидетельство о себе самом.

Редактор: Егор Сковорода